

Когда-то это был знаменитый московский доходный дом. Почти такой же знаменитый, как дом с кариатидами. Внизу, как обычно, не на что смотреть, стекляшки витрин, двери и водопроводные трубы. Зато, если поднять глаза, дух захватывало от игрушек модерна, которыми этот дом был богато украшен на верхних этажах.

Празднично блестели окна, отражая яркое весеннее солнце. Лишь одно окно было распахнуто, и в его проеме стояла маленькая девушка, очень худенькая, в цветастом сарафане. Она помещалась в окне вся и совершенно не была похожа ни на хозяйку, собирающуюся вымыть стекла, ни на самоубийцу, собравшуюся прыгать вниз, в поток гудящих машин. Просто стояла и курила, шурясь на солнце и отвлеченно улыбаясь своим мыслям.

Совершенно расслабленная, босиком, она шевелила пальцами уже за пределами подоконника, вре-

мя от времени меняя позу. Она не выглядела обеспокоенной или напуганной, казалось, что у нее есть крылья, поэтому она не рискует сорваться вниз.

Она и не рисковала. Гимнастка и акробатка, она совершенно не боялась высоты. Ее малый рост, худенькое и сильное тело создавали с окном удивительно гармоничную картину. Но наблюдал ее только один человек — он стоял на противоположной стороне улицы, мешая прохожим, не в силах оторвать взгляд от того, что увидел в окне.

Было высоко, но он своим слабым зрением различал мельчайшие детали — ляжку сарафана, съехавшую с плеча, выбившуюся из-под заколки прядь черных волос, каждый вдох, когда она затягивалась, каждый жест ее маленькой руки, поигрывающей зажигалкой.

Он больше представлял это, чем видел, потому что хорошо эту девушку знал. Настолько хорошо, насколько ее вообще кто-то мог знать. Более того — он ее любил.

Ощупью, не отводя взгляда от окна, он достал из кармана телефон и даже набрал номер. Поплыли длинные гудки.

— Соня.

— Что опять случилось?

— Соня, Сонечка... ты можешь подойти?

— Куда подойти, ты где?

— Я на Пятницкой, напротив ее дома. Соня, она сейчас выпрыгнет. Она стоит в окне. И точно выпрыгнет.

ЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЭХО

— Она тебя видит?

— Кажется, нет.

— Тогда не выпрыгнет. У тебя все?

— Сонечка, я боюсь. Выйди.

— Если я подойду, она нас точно заметит.

И тогда выпрыгнет, будь уверен. Хватит истерить, ты не баба. Я еще после вчерашнего не отошла. Зачем ты туда поехал?

— Я шел мимо... я даже не знал, что она там... Ноги ватные. Можно я зайду к тебе?

— Можно.

Трясущимися руками он убрал телефон в карман, нащупал сигареты. Боялся прикурить, пошевелиться.

Когда поднял снова глаза на окно, девушки в нем уже не было. Опустить глаза вниз от страха он не мог, в горле пересохло, он не мог сделать даже затяжку сигаретой.

Внезапно окно захлопнулось. Изнутри. И только тогда он смог вдохнуть.

Глава 1

Четыре года назад эта улица была так же прекрасна. Ее только что перестроили, отмыли фасады, отремонтировали осыпавшиеся особнячки. Только лето было холодным, солнце появлялось редко, шли дожди, и клиенты приходили в ателье мокрые и замерзшие. Их отпаивали горячими напитками, внимательно выслушивали, снимали мерки и обсуждали уже готовые эскизы.

Ателье занималось спортивной одеждой — индивидуальными костюмами для фигуристов, гимнастов и танцоров. Клиенты все были известные, штучные, с каждым Катя занималась лично.

Она никогда не брезговала никаким этапом работы, могла и за машинку сесть, а больше любила шить на руках. Каждый стежок в этом ателье стоил как недорогое кольцо. Но за каждым этим стежком, за каждым костюмом впереди стояли награды, медали, толпы фанатов и горы цветов. А еще — и это Катя знала наверняка — пот, кровь, годы боли, пустых надежд, ежедневного изматывающего труда,

снова боли, травм, отчаяния. И зачастую полного одиночества.

Про все это она, совсем юная девочка, знала из личного опыта. Она сама воспитывалась в закрытом интернате для спортсменов, больше похожем на тюрьму для маленьких детей. Вспоминала с отвращением, с болью в сердце, но и с благодарностью за главное — за свой опыт и железный характер, который помог ей за двадцать пять лет прожить большую и умную жизнь.

Закрывались поздно — как в дорогом баре — до последнего клиента.

Последний долго не уходил, стоял в дверях, ругал погоду, подсчитывал убытки от простоя любимого мотоцикла.

Рутка дважды выходила с ключами в холл, выключила свет, опустила жалюзи, но Катя даже не посмотрела на нее — она была гостеприимной хозяйкой. Работала не только ради денег, но и из уважения и жалости ко всем этим людям, лишенным нормальной жизни.

Большинство из них находилось на пике своей славы, значит — на пороге гибели. Лишь немногие из этих мальчишек и девчонок могли родиться после спорта заново, найти себе новое занятие, свое место в жизни. Большинство спивались, растерявшись от неожиданных перемен, к которым никогда не бываешь готовым, но некоторые выплыли — стали комментаторами, дикторами, тренерами, даже депутатами, чем черт не шутит.

А основным занятием у «бывших» был бизнес. Не всегда связанный со спортом, но вот у Кати вышло именно так.

Наконец дорогой клиент раскланялся, договорившись о времени следующего визита. Неловкий с женщинами, с Катей он робко кокетничал, она отвечала ему вежливой взаимностью. Ровно такой, которая не оставляет никакой надежды. Загрузил кофры в машину, Катя проверила, чтобы не мялись, стояла и махала рукой.

Потом вернулась к себе, на второй этаж. Зажгла свет, заварила кофе и долго еще сидела, разглаживая руками прозрачную телесную тряпочку-сетку.

Руки ее сами в тот момент были этой тряпочкой, она мяла и растягивала ее тонкими пальцами, совершенно точно зная, в каком месте должен быть невидимый глазу шов, а где — яркий сверкающий камень.

Рутка зашла, нервная от нетерпения.

— Все ушли. Ты опять до утра будешь сидеть?

— Надо камни расклеить.

— Сейчас, ночью? Обязательно ночью?

— Дай мне «Аврору».

Рутка недовольно загромыхала коробочками в шкаф. Поставила одну на стол, неловко сдвинула какие-то папки, коробка перевернулась, камни высыпались на стол — пурпурные, алые, совершенно нелепые в этой сонной тишине. Обе застыли над ними, не в силах отвести взгляд.

— Как капельки крови...

— Дурочка... Да ты кровь когда-нибудь видела?

— В лаборатории видела. — Рутка обиделась.

— То-то же. Там разве такая кровь. А вот когда на траве, под солнцем, тогда — да. Но ее должно быть очень много.

— Ты третью ночь не спишь. Давай я сама с утра разложу. Это для испанки, да?

— Почему для испанки? — удивилась Катя.

— Так красные же.

— Ты, Рут, совсем, — начальница разозлилась, — что за шаблоны, раз красное, значит — испанка. Я домой пойду, к обеду разложи мне в два варианта.

— Клеить?

— Клей. Она завтра приедет, сразу и попробует. Я правда не спала давно, пойду. Подавлю подушку.

Но дома сон ушел. Работы не было, поэтому не было никаких занятий.

Катя лежала без сна на своих циновках, разглядывая стену напротив. С ее, Катиным, профилем от пола до потолка. В период увлечения графикой она рисовала и рисовала, мелом, углем, грифелем — всем, что попадало под руку. Руки никогда не отмывались до конца. И огромные стены этой полупустой барской квартиры тоже были изрисованы густо и затейливо — одним только ее стилем, единственным — без единого прямо-

го угла. Идеальный ее прямой профиль плавно растворялся в цветочных полянах, на которых вырастала совершенно живая лошадь без задних ног. Ноги просто не поместились и были жестко отрезаны окном.

Уютно заурчал виброрезонатор сотового телефона.

Чертыхнувшись, Катя бросилась искать его по сумкам и карманам, но по звуку нашла на кухне. Увидела номер, улыбнулась. Села на подоконник — пол был холодный, пришлось поджать ноги.

— Как вкусно ты затягиваешься...

— Я с обеда не курила. Некогда было.

— Запара?

— Просто жизнь, Антон.

— Ты сейчас сидишь на окне?

— Угуу...

— Не свалишься?

— Если свалюсь, ты поймешь по звукам.

— Я хочу к тебе завтра приехать.

— Ты всегда хочешь ко мне приехать.

— Неправда, иногда я хочу приехать не к тебе.

— Вот и завтра поменяй свои желания и приезжай не ко мне.

И придавила телефон ногой.

Сон ее все-таки сморил, да так, что к обеду едва успела на работу.

Проходя мимо машины, не удержалась, погладила. Специально купила квартиру в доме над ате-

лье, чтобы не тратить время на дорогу, а по машине соскучилась.

Соня Собинова уже была в ателье. Вокруг кучковались сотрудники, не решаясь подойти за автографом. Но тут все привыкли — и к звездам, и к их занятости. Рутка крутилась в примерочной, одергивала купальник сзади. Сидело прекрасно, и камни были расклеены по рукавам так, что взгляд было не оторвать от каждого мимолетного движения ее рук. Но Соня дергалась, нервничала, что-то ее беспокоило. Она постоянно прижимала руки к стене, то локтем, то запястьем.

— Дай, — Катя стянула оба рукава, они еще не были пришиты, — сняла свитер, сверкнув стройной мускулистой спиной, — рукава сели как влитые, сетку с двух метров и заметно не будет, только камни. Но дефект проявился сразу.

Катя обхватила руками перила второго этажа, подтянулась, опустила на локти. Их пронзила резкая боль. Камни, конечно. Так может сделать только портниха, которая ни разу не выходила на ковер.

Рутка сразу поняла, ахнула, приготовилась ловить рукава. Но Катя не отдала. Накинула свитер на плечи, подождала, пока Соня оденется, повела ее в свой крошечный кабинет. Закурили обе.

— Не боишься?

— А, — Соня махнула рукой, — последний бал. До конца сезона как-нибудь дотяну. Сама видишь, форма, возраст.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— А я все сорок килограммов. Только не сплю.

— Нервничаешь?

— Да чего мне нервничать, — удивилась Катя, — просто не сплю.

— Мужика тебе надо. Нормального.

— Да где их найдешь-то, мужиков.

— В интернете, где же еще.

— Да там шваль одна собирается.

— Ну ты что, — Соня искренне изумилась, — ты что... Там сейчас все. Мир соцсетей. Ты что, не пробовала ничего?

Катя молча пожала плечами. Она и дневник-то до сих пор вела бумажный, вперемешку со своими безумными рисунками в блокноте.

Соня покопалась в сумке, достала телефон, быстро загрузила сайт. Очень неудобно читать — белые буквы на черном фоне. Начала показывать какие-то фотографии, чьи-то анкеты.

— Давай тебе заведем?

Катя опять пожала плечами, мол, заводи. Хоть будет чем заняться ночами, вместо рисования лошадиных голов. Будет живое существо, способное сказать три слова.

— Давай свой телефон, лучше на твоём сразу.

— Это кто?

— О, это режиссер известный, только я фамилию забыла. Он мне писал долго.

— Ничего себе известный, раз не помнишь. Красивое фото.

— Это только фото. Что с камнями-то делать? До завтра исправишь?

— Сделаю. С утра и приезжай. Я сама все переклею. Ни черта не умеют.

— Бери телефон. Пароль не забудь. На, развлекайся.

Со второго этажа было видно, как она уходит. Даже в свитере заметно, что сезон у нее последний — раздалась в плечах, потеряла гибкость. Никакие камни ее не спасут.

Ночью снова раздался звонок. Катя долго соображала, где она — заснула прямо за столом, лицом в камнях, в клее, на щеке прилипли несколько капелек хрустальной крови. Но она этого не видела, судорожно шаря вокруг себя в поисках телефона. Не успела. Открыла экран — и увидела на нем этот самый сайт. И фотографию, на которой днем зависла. Что за режиссер такой известный, что его никто не знает? И ведь тоже ночью не спит, подумать только. Тоже трудоголик.

«Доброй ночи».

«Доброй ночи, барышня».

«Домой, что ли, пойти, сколько можно тут сидеть».

Но диалог продолжился. Даже в лифте она нетерпеливо обновляла страницу в ожидании ответа. Поговорил-поговорил и ушел.

Спала она в ту ночь сладко, проснулась сама, от солнца, без будильника.